

Валентин Федоров

Есть ли друзья у России?

Удивительно, но из факта распада Советского Союза не сделано надлежащих выводов. Это можно было бы как-то понять, если бы распад имел неотвратимые объективные причины, был вызван форс-мажорными обстоятельствами. Между тем он был обусловлен человеческим фактором, то есть неправильной внутренней и внешней политикой. К сожалению, некоторые знакомые черты этого курса просматриваются и сейчас, что подталкивает новую Россию в опасном направлении. Как представляется, в подходе к нуждам страны следует сместить акценты: во-первых, уделять больше внимания внутренним делам, укреплению экономической мощи и улучшению социального самочувствия народа, во-вторых, избавить внешние связи от затратного характера, присущего советской эпохе.

О чем конкретно идет речь?

Слово «дружба» и другие однокоренные слова имеют широкое хождение в международной политике. Между странами заключаются договоры о дружбе, отношения между ними называются дружественными. В Советском Союзе применительно к лояльно настроенным влиятельным иностранцам употреблялось выражение «большой друг СССР». По-прежнему в ходу такое определение, как «наши друзья за рубежом». Россия и Казахстан подписали в 1998 году декларацию «О вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие». Между Россией и Китаем в 2001 году заключен Договор о

добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, рассчитанный на 20 лет. Так как саму дружбу не принято ограничивать во времени, то в документе говорится о ее непреходящем значении. Для полноты картины стоит добавить, что в 1950 г. был подписан советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет. За время между этими двумя договорами много воды утекло. Кто не знает о боях за остров Даманский на реке Уссури в 1969 г.?

Можно напомнить также, что в 1939 г. после договора о ненападении между гитлеровской Германией и Советским Союзом ими же был заключен договор о дружбе и границе.

Все эти приятные слова и названия не должны никого вводить в заблуждение, ибо дружба в политике, даже если она имеет место, явление конъюнктурное, временное. «У страны нет вечных друзей и вечных врагов, а есть только вечные интересы» – этот знаменитый афоризм английского премьер-министра Пальмерстона (1784–1865 гг.) сохраняет и поныне свой актуальный смысл. Есть и другие крылатые выражения по этому поводу: например, «в политике и в картах друзей не бывает». Сходство интересов на каком-то этапе воспринимается как дружба, а их расхождение – как вражда.

Механически цитировать афоризмы еще не значит усвоить их на благо своей страны. В декабре 1984 года М. Горбачев совершил поездку в Англию во главе делегации Верховного Совета СССР, в то время он еще не был первым лицом Советского Союза. Именно тогда М. Тэтчер произнесла свою известную фразу о Горбачеве: с ним можно иметь дело. На Тэтчер произвело впечатление среди прочего и то, что Горбачев публично согласился с вышеприведенным высказыванием Пальмерстона. Что толку? К каким роковым последствиям привела последующая политика самого Горбачева, забывшего о национальных интересах своей страны, упоминать излишне.

Когда речь идет о друзьях на международной арене, то имеется в виду, конечно, не семантический, а содержательный смысл вопроса, и сводится он к следующему: страна не должна приносить в жертву свои национальные интересы ради других

государств, какими бы красивыми эпитетами они ни назывались.

Взаимоотношения России и других государств многогранны. Рассмотрим подробнее эти сферы соприкосновения, которые могли бы, по идее, способствовать появлению друзей на международной арене.

Идеология

При всей сложности и напряженности международных отношений в период холодной войны, закончившейся распадом СССР в 1991 году, размежевание в мировом сообществе происходило в зависимости от отношения к коммунистическому мировоззрению и сводилось главным образом к противостоянию двух блоков. Со временем монолитность социалистического лагеря и самого советского государства оказалась мифом. «С Советским Союзом – на вечные времена!» – когда-то прокламировал от имени Чехословакии Клемент Готвальд. От той реальности ничего не осталось, кроме этой фразы. Насилие при внедрении идеологии в очередной раз проявило свою несостоятельность. Вспоминаются слова одного американского деятеля, назвавшего в 70-е годы США и СССР монопольными лидерами своих союзов при том отличии, что США были органической монополией, тогда как СССР – неорганической, навязанной силой монополией.

Изменение государственного строя в России на первых порах сопровождалось эйфорией по обе стороны наших государственных границ. Казалось, устранено главное препятствие на пути к счастливому единству стран и народов в мире. В этой связи можно вспомнить нашу шумевшую концепцию Фрэнсиса Фукуямы о конце истории.

Со своей стороны, российское руководство продолжило политику добровольных уступок, начатую в период перестройки. Получение благосклонности Запада стало лейтмотивом внутри- и внешнеполитического курса. Но гармонии не получилось и не могло получиться. Идеология, какая бы она ни

была, является лишь одной из составляющих комплекса государственных интересов. Даже при полном, бесповном совпадении мировоззренческих доктрин не устраняются другие возбудители межгосударственных противоречий, и в жесткой игре продолжают участвовать прочие факторы. Подобно человеку, который может умереть по любой причине, государство подвержено многочисленным опасностям и в целях самосохранения должно адекватно учитывать каждую из них.

Переход к однотипному с Западом общественному строю принес России неоднозначные результаты. С одной стороны, были сняты с боевого дежурства нацеленные на нее ракеты, что символизировало окончание прежнего военного противостояния, ставившего в памятные даты мир на грань катастрофы. Отпала необходимость в чрезмерной милитаризации народного хозяйства. С другой стороны, появившаяся однотипность использовалась Западом для протискивания к российским границам и к прилегающим к России стратегическим пространствам путем передвижения НАТО, Евросоюза и легитимированного местными властями десанта США в некоторые страны СНГ.

Есть еще и третья сторона. Идеологическое сближение с Западом не принесло нам, мягко выражаясь, больших симпатий на Юге. Если раньше «третий мир» видел в СССР положительную альтернативу США и их союзникам и тяготел в своей немалой части к Москве, то ныне престиж последней там резко упал. В самом деле, какой смысл ориентироваться на проигравшую и ослабевшую державу, если в идеологическом плане она, сменив фронты, выступает в роли неуверенного новичка, а в экономическом аспекте Запад может быть гораздо щедрее. Более того, экстремистские и террористические организации, отождествляя Россию с Западом, ведут с ней открытую и тайную войну (Северный Кавказ), последствия которой сейчас трудно предугадать. Они могут быть очень тяжелыми для России. На российскую повестку дня снова становится вопрос об увеличении военных расходов, экспорта военной техники, упавшего по разным причинам, в том числе

гуманистической, в 90-х годах. Таким образом, поменяв свою идеологию на противоположную, мы приобрели в лице Запада не более чем относительного сторонника и одновременно новых реальных противников, исповедующих другую систему взглядов.

Православие

Религия – та же идеология, а потому и выводы во многом аналогичны. Православие создает некоторую основу для общности народов, исповедующих его, порождает чувства взаимной симпатии. При прочих равных условиях единая вера могла бы служить мощной скрепляющей силой в отношениях между странами, однако таких прочих равных условий нет и не может быть. Другие, более актуальные факторы оттесняют единство вероисповедания на второй план без всяких шансов на большую роль. Да и внутри самого православного мира существуют немалые расхождения в международном плане, ибо каждая церковь, превознося общие духовные ценности, осуществляет в то же время интересы собственной страны. Это и понятно, ибо в противном случае она лишилась бы всякого влияния.

Как показывает международный опыт, церковь не лишена такой вполне мирской черты, как стремление к национальной независимости, суверенитету, и в этом она находит широкое поле для сотрудничества с государственной властью. Когда складывается такой союз, то об объединительной роли православия можно забыть. Показательные примеры в этом отношении дал распад Советского Союза, на развалинах которого возникли самостоятельные государства со своими церквами, например, Украина. Исчезновение социалистического лагеря дает массу других примеров, когда государства при поддержке церкви ушли на Запад в целях обретения безопасности. Репрезентативно можно упомянуть Румынию с ее 70-процентным православным населением. Нельзя не упомянуть и сложные отношения между Русской православной церковью и Русской православной церковью за рубежом, которые не

смогли объединиться за истекшее после исчезновения СССР время, несмотря на очевидную пользу такой акции.

Итак, страны с преобладанием православной веры не образуют некий единый оплот в целях самозащиты, православие не обеспечивает нашей стране гарантированного союзника, зато недругов у православия хоть отбавляй.

Славянство

Широко распространенной иллюзией является возможное международное единение на общей славянской основе. На эту тему написаны целые библиотеки, однако подобные стремления обречены на неудачу. История прошлых веков дает многочисленные иллюстрации того, как «зов крови» и схожесть языка были лишь временными факторами альянса России с родственными странами и народами. Россия симпатизировала им и вступалась за них, иногда с применением оружия, за что снискала искреннюю благодарность, передаваемую из поколения в поколение до сих пор.

Россия и Болгария. Страны-сестры, народы-братья. Поклонны русским за освобождение от османского ига в XIX веке, унесшего 200 тысяч русских жизней. А потом красивые одежды истории были запачканы нестирающимися пятнами. Царь Фердинанд Кобург привел страну в лагерь антироссийской коалиции в Первой мировой войне. Его сын Борис, крещенный как православный (требование России), продолжил дело отца, и страна опять выступала против России уже во Второй мировой войне.

Упоминавшаяся выше благодарность некоторых славянских народов по отношению к России, как и любая благодарность, – дань прошлому и в реальной жизни мало влияет на положение вещей. Вырвавшись с окончанием советской эпохи из объятий «большого брата», славянские народы поспешили закрепиться на другом берегу, в НАТО. Из прошлого черпаются не только хорошие воспоминания, но и незабываемые обиды. Чехи и словаки всегда будут помнить 1968 год. «Украи-

на не может простить России голодомора, – говорит академик, директор Института всемирной истории РАН А. Чубарьян. – Есть и другие претензии к советской власти, которую соседи почему-то ассоциируют с Россией. Если так считаться, можно было бы припомнить генеральных секретарей, которых в изобилии поставляла Советскому Союзу Украина»¹.

Президент Украины Л. Кучма издал в 2003 году свой объемистый труд под названием «Украина – не Россия». Книга написана на русском языке и с должным уважением к России и к русским. Как пишет автор в предисловии, тот, кто будет искать на ее страницах что-то антирусское, зря потратит время. Так оно и есть. В работе отмечается, что «процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие» (С. 23), и далее: «Вместе с тем давайте честно скажем себе: идея самоотождествления исключает раздвоение этнического сознания. Раздвоение сознания – вообще скверная вещь. Тяжелые случаи раздвоения называют шизофренией. И если моя книга поможет хотя бы одному человеку уйти от раздвоения, я буду считать, что трудился не зря» (С. 27). Итак, сначала национальное, а потом все прочее, и в этом Л. Кучма прав. Национальная рубашка ближе к телу.

Славянская общность не может доминировать над другими составляющими. Иначе мы рискуем повторить провальный опыт горбачевской политики под девизом верховенства общечеловеческих ценностей над национальными.

Сербский профессор Веселин Джуретич опубликовал в 2003 году свою книгу, где анализирует причины развала Югославии². Во многом это исследование поучительное, хотя не со всеми положениями автора можно согласиться, например, с частыми упреками в адрес России. Предисловие написал И. Р. Шафаревич. Ниже приводится его следующий фрагмент:

¹ Российская газета, 18.02.2005.

² Джуретич В. *Развал Югославии*. – М.: Кристи инженеринг, Кобекс интернешнл, 2003.

«Опираясь на очень большой фактический материал, автор подробно аргументирует взгляд на тот основной фактор, который, по его убеждению, привел ко всем несчастьям Югославии, включая ее распад. Это то, что сербы, вместо того чтобы сосредоточить все силы на создании своего национального государства, его идеологии и политики, стали жертвами мечты о великом государстве южных славян».

Тем, кто еще верует, искренне заблуждаясь, в создание славянского кулака, следует внимательно посмотреть на отношения между другими славянскими государствами. Здесь Россия, разумеется, ни при чем. Так вот эти отношения ничего родственного в себе не содержат. И в военное, и в мирное время политику диктуют отнюдь не братские чувства по отношению друг к другу. Классическим примером несостоятельности так называемого объединяющего славянского фактора служит разделение Чехословакии на Чехию и Словакию. Произошло это на ровном месте и без подстрекательств извне. Не известно, преодолее ли свои трудности государственное Сообщество Сербии и Черногории. Другой хрестоматийный факт – неприглядное поведение ряда славянских стран в период бомбардировки Югославии из-за косовских событий. Не было никакого соборного клича «славян бьют». Было другое – заверение в верности трансатлантическому партнерству. Если после этих и других подобных явлений взывать к славянской солидарности и надеяться на то, что все славянские братья и сестры наконец-то одумаются и станут плечом к плечу, значит неадекватно оценивать исторические уроки и современную ситуацию.

Схожесть культур и языка служит для многих поборников славянства достаточным аргументом в пользу единства этих народов. Тут есть свои «но». Во-первых, не настолько они схожи, чтобы один славянский народ мог воспринимать культурное самосознание и речь другого народа как свои собственные. Для этого нужны немалые усилия и стремления – изучение, общение, интерес и т. д. Во-вторых, мировое развитие размывает даже ту неширокую общую базу в этих сферах, которая имеется. Предпочтительное изучение английского

(американского) языка, а также других европейских языков (немецкий, французский, испанский) приобщает славян к соответствующим странам куда крепче, чем друг к другу. Под вопрос ставится сама идентичность славянских народов, сначала малочисленных, а потом настанет очередь более крупных.

Доля славянских стран в мировом населении упадет с 4,5% в 2004 г. до 2,4% в 2050 г., причем российский показатель будет сокращаться более быстрыми темпами. Удельный вес упомянутых стран в мировом производстве еще ниже. Тем самым сокращаются материальные возможности «славянского давления» на что-либо, которое и сегодня-то вряд ли существует на мировой арене из-за разных интересов славянских стран.

Соседство

Летопись России не отличается от истории остального мира ни в лучшую, ни в худшую сторону. Это частые войны с соседями за территории. Здесь нельзя дать однозначной оценки. Накопившиеся многовековые наслоения позволяют ныне по-разному трактовать характер этих войн. В зависимости от глубины исторического среза и подхода их можно представлять либо как агрессию, либо как силовое возвращение некогда потерянных земель. Однако главное нравоучение истории состоит в другом, а именно: территориальный статус-кво всегда временный. Причем главную опасность для него представляют именно соседние страны. Наше время не является исключением из этого жесткого правила. Чтобы проводить верную политику, государственные деятели должны чувствовать это нутром. Разрядка международной напряженности, равно как и подписание договоров о дружбе и сотрудничестве с пограничными государствами, не дают права забыть о несовпадении исторического мышления разных наций, хотя они и живут бок о бок с незапамятных времен. То, что одной стороной воспринимается как справедливость и гармония, другая сторона на генном уровне считает унижением и непреодо-

ленным злом. Время меняет соотношение сил, и эта неутоленная жажда рассчитаться с обидчиком ведет к очередной войне.

Соседи – партнеры ненадежные, но завистливые, а недвижимость в виде территории – всегда предмет наибольшего вожделения. Геополитические преимущества страны ценятся высоко, и, чем эта цена выше, тем опаснее может быть ситуация: кто поручится, что сопредельное или какое-то другое государство не попытается отобрать эти преимущества, то есть, говоря прямым текстом, не совершит нападение? Величие деятелей и стран в историческом аспекте принято даже в наше просвещенное время измерять тем, сколько населения и пространства они покорили, какую часть земной поверхности они захватили. Никто не осуждает, скажем, Александра Македонского, напротив, им восхищаются. Так будет, видимо, и в будущем, с той новацией, что к этим показателям добавится еще космическое пространство.

Если рассуждать о геополитических выгодах России, то они заключаются, в частности, в том, что ее экономическая безопасность менее уязвима со стороны внешнего фактора по сравнению с другими странами. Для нашей страны не возникает необходимости объявлять зоной своих жизненных интересов иностранные территории, находящиеся за тысячи и тысячи километров от своих национальных границ, и, следовательно, тратить огромные средства на сохранение этих зон в своей орбите. Подсчеты западных экспертов рисуют вполне реальный, а не библейский апокалипсис в тех случаях, если произойдет перекрытие международных торгово-транспортных путей, сбои в поставках нефти, газа, металлов в промышленно развитые страны. Никакая мощная экономика подобного испытания не выдержит. Во избежание такого крушения те же США не могут не проводить курс на силовое присутствие в регионах, на захват контроля над географическими горизонталями и вертикалями, от которых зависит, без всякого преувеличения, судьба страны. Это стоит больших денег.

Россия находится в совершенно другом положении. История снабдила ее более удобной географией. Наша страна, более чем какая-либо другая, может оставаться над схваткой. Вопрос в том, будет ли осознано это великое сравнительное преимущество, чтобы реализовать его во благо собственного народа.

Военный союз

Военный союз на двусторонней и многосторонней основе является серьезным фактором международной политики и грозным предупреждением потенциальному противнику. Однако и здесь незыблем преходящий смысл таких объединений. Условия обеспечения безопасности для государства не остаются постоянными, что меняет и отменяет прежнюю конфигурацию сил.

Россия имеет разнообразный опыт военного союзничества, которое, как ему и полагается, всегда было ограничено по времени. Последний пример из этого ряда – досрочный роспуск Варшавского пакта из-за утраты его внутреннего ресурса. Почти все бывшие «варшавцы» повернули острие в другую сторону. Надолго ли сохранится блок НАТО в международном раскладе, сказать трудно, но изменение внешних условий его существования бесспорно.

Военные договоры часто скрывают свою истинную сущность, что для самих партнеров не является секретом, а именно: получить передышку и выиграть время для довооружения и накопления сил. Другая коварная сторона этих документов состоит в том, что, рассматривая нападение на территорию договорного партнера как на свою собственную, союзник ставит под удар свою безопасность и вовлекает себя в непредвиденные обстоятельства. Когда-то СССР рисковал в своих отношениях с США из-за КНР, но признательность Китая не пережила последующих столкновений уже между самими бывшими союзниками.

Если заключение военных договоров помогает в лучшем случае предотвратить столкновение между «высокими сторонами», то одновременно оно создает предпосылки для битвы уже между военными союзами, то есть разрушительный характер противоречий поднимается на виток выше.

На протяжении десятилетия после распада СССР руководство Таджикистана выражало свою признательность России за совместную охрану своих границ. Из военно-политического словаря выбирались лучшие выражения. Но потом Россию попросили уменьшить свое присутствие на таджикской границе. Не будем сейчас касаться причин, повлекших такое изменение позиции. Подчеркнем в очередной раз ненадежность военных коалиций, партнеров, соглашений об иностранных военных базах. В данном случае Россия потеряла много лет для обустройства собственных южных границ и теперь должна наверстывать упущенное. Остается надеяться на то, что таджикский урок будет усвоен, а практика совместной охраны не будет перенесена на казахстанские южные границы, как это предлагается некоторыми российскими деятелями.

Экономическая заинтересованность

Это, казалось бы, самая крепкая скоба, соединяющая партнеров. Страны, естественно, предпочитают иметь дело с теми, от кого можно получить выгоду.

Узы экономики предполагают не любовь, а верность выгоде. В этом их сила и в этом их слабость. Уменьшается выгода – исчезает верность. Отношения, построенные на корыстолюбии, имеют позитивный смысл тогда, когда приносят взаимную равновеликую пользу. Когда же они покупаются одной из сторон, то такое сотрудничество рано или поздно не выдерживает проверку временем. Политика Советского Союза – наглядное пособие в данном смысле. Поддержка им иностранных дружественных режимов означала колоссальное расточительство материальных средств и перенапряжение собственного экономического организма. И что же в резуль-

тате? От так называемого братства по идее и по оружию не осталось и следа, как только прекратились поставки и перечисления.

Есть и другой аспект этой темы. Курс советского государства был направлен на преимущественное развитие своих окраин, которые вследствие этого по темпам подъема на порядок превосходили показатели РСФСР. Ныне бывшие советские республики, ставшие самостоятельными государствами, не отягощены признательностью бывшей державе, зато хотели бы сохранить практику односторонних выгод. Действуют они на этом истоптанном поле не без успеха. К сожалению, порочная советская политика по приобретению друзей за деньги, дешевый газ и другие льготы не ликвидирована под корень.

В то время как внутри нашей страны люди брошены на полный произвол рынка, Россия в отношении некоторых других стран проявляет трудно объяснимую заботу и ограничивает действие закона стоимости, хотя именно на мировой арене он испокон веков действует без рестрикций. Ведущие западные державы применяют весь имеющийся у них арсенал средств для того, чтобы «помочь» закону стоимости раскрутить маховик и усилить свое преобладание на мировом рынке. Если в войне принцип силы звучит как «горе побежденным», то на мировом рынке – как «горе слабым».

По мере укрепления рыночных основ хозяйства наши мирохозяйственные связи будут освобождаться от политического гнета, т. е. от экспортных поставок за бесценок т. н. дружественным странам. Частные компании торгуют по интернациональной стоимости, которая не признает льгот по политическим причинам. Более того, одной из задач самого государства станет лоббирование интересов отечественного бизнеса за рубежом. Политическое влияние должно использоваться для увеличения внешнеэкономической прибыли, что давно уже практикуется на Западе.

Язык

Россия не наделена исторической привилегией иметь общий язык с другими странами, как это характерно, например, для США. На протяжении веков к России присоединялись новые земли на добровольной и недобровольной основе, что влекло за собой распространение и закрепление там русского языка. Специфическое положение сложилось после распада Советского Союза. Была отменена обязательность изучения русского языка в странах бывшего социалистического лагеря. Господствующие позиции русского языка в бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами, поначалу создавали иллюзии достаточно крепкой языковой общности, за исключением стран Балтии. Кое-где русский язык был официально или де-факто уравнен с местным языком, что, конечно, стало делом положительным, поскольку через русский язык облегчается приобщение к мировому прогрессу. Но со временем верх взяло другое явление: смещение центра тяжести в пользу национального языка и форсируемое властями вытеснение русского языка из всех сфер жизни. Русский язык теряет свое значение и из-за вынужденного отъезда русскоязычного населения из новообразованных государств, где такие критерии, как коренная национальность и знание государственного языка, к которому русский язык там нигде не относится (кроме Белоруссии), являются важнейшими условиями профессионального роста и общественного положения. Итак, вместо того чтобы воспользоваться конкретными историческими обстоятельствами и способствовать сплочению с Россией через культивирование у себя русского языка, страны на постсоветском пространстве – кто жестко, кто мягче – сделали ставку на гегемонию национального языка. Стремление новых государств к самоутверждению после длительного «колониального прошлого», а именно так ими трактуется пребывание в составе дореволюционной России и СССР, оказалось сильнее рационалистических соображений.

Россия без друзей...

Из изложенного вытекает само собой, что «друзей навсегда» у России нет, и они не появятся вдруг ни в одной из рассмотренных сфер или по каким-то другим соображениям. Есть попутчики, сторонники, доброжелатели, но все они временные. Превращение из Савла в Павла, т. е. друзей во врагов и наоборот – часто повторяющееся правило. Нет ничего более ненадежного, чем временная дружба. Недаром говорят, что самый опасный враг – это бывший друг. Можно добавить еще, что нынешний друг – это потенциальный противник. Если другом России не может быть отдельно взятое государство, то эта истина применима и к группе государств, образующих единую организацию, такую, как НАТО, Европейский союз, СНГ. Кроме того, всякие международные альянсы, по логике, сами построены на непрочном фундаменте, поскольку не подразумевают дружбы на вечные времена между участниками. Членство в НАТО и ЕС не помогло решить проблему Гибралтара, разделенного Кипра и т. д.

Наивная вера в новую дружбу на международной арене в последние годы существования Советского Союза и в первые годы РФ стоили нашей стране больших непоправимых потерь. Этот перечень длинен, но достаточно привести два пункта из него: один – материального порядка, другой – нравственного. Так, без всяких оснований руководство СССР отдало США значительную часть Берингова моря с его рыбными запасами и полезными ископаемыми на дне моря. Намного ли и надолго ли сплотил оба государства такой подарок? Ни на сколько. Было совершено отступничество и другого плана: ради новых друзей отrekliсь от старых, не защитив последних от судебного преследования (пример с элитой ГДР). Сама же Москва и продемонстрировала, чего стоит интернациональная дружба.

Если в контексте дружбы государство должно выбирать между мировоззрениями «быть» и «иметь», то последнее надо зачеркнуть. Конечно, иметь друзей никогда не лишне, но все они обладают свойством линять, как ткань с некачественной окраской. Коалиции создаются, потом распадаются, и новые

поиски друзей создают ложное ощущение эффективной политики.

Каждая страна имеет свою специфику в этом общем правиле, тогда как исключения из него нет.

Особенности России общеизвестны. В кратком перечислении это необъятные географические широты с недостаточным населением, контрасты в региональном разрезе, демографическая катастрофа, национальный сепаратизм, экономическая слабость. Поэтому руководству современной России требуется уделять больше внимания внутренним проблемам, укреплению могущества государства и увеличению благосостояния народа. Тогда многие внешнеполитические вопросы будут решаться попутно, сами собой или будут сняты с повестки дня: территориальные претензии, критика за Чечню, преодоление негативного имиджа, подобающее уважение, обуздание террора... На внешней политике, какой бы она ни была, нельзя построить великое государство, она может в лучшем случае облегчать такое строительство, но может и затруднять его.

Привычка мыслить во внешней политике категориями коалиций, боязнь страны остаться «старой девой», в одиночестве, могут оказать России медвежью услугу. Евразийство нашего государства предполагает свободу рук во всех направлениях, не отдавая приоритета ни одной из сторон или стран. Россия не должна отягощать себя обязанностями перед другими государствами, большими и малыми, которые (обязанности) могут лишить ее суверенности действий. Может быть, кому-то это покажется странным, но Россия без друзей и союзников более привлекательна для друзей и союзников, чем с ними.

Как мы знаем, политика – это искусство возможного. Но искусство бывает разным, равно как и возможное. Можно, например, накрепко сковать себя европейскими цепями и игнорировать тот факт, что Сибирь и Дальний Восток от этого только пострадают. Если говорить о внешнем факторе, то подпитка наших дальних регионов идет не из Европы, поскольку эта дорога для нее слишком длинна и трудна, ее дают соседние страны. А можно и нужно ставить вопрос наиболее выгодным

для страны образом – пусть другие государства борются за благосклонность России. Такие примеры есть, но они единичны (освоение Сахалинского шельфа, прокладка сибирского газопровода в сопредельные государства). Подобный подход надо поднять на порядок выше, на макроуровень. Нашу двухконтинентальность следует рассматривать как плюс, а не минус, если мы не хотим сократить Россию до Урала. Министр иностранных дел Японии смотрит фактам в лицо, когда заявляет: «Я считаю, что Россия имеет как европейское, так и азиатское лицо. Это большая страна, у нее много обличей. Хочется, чтобы азиатское лицо России стало более заметным. Когда находишься в Москве, то Азия кажется далекой». Приведу другую «подсказку» для наших ультраевропейцев. Когда аятолла Сайед Мухаммад Хаменеи, один из главных идеологов Исламской Республики Иран, брат верховного лидера Ирана, говорит «мы считаем россиян народом восточным», то было бы нелепо в ответ бить себя в грудь и заявлять, что нет, мы – европейцы.

«Удел России – стать составной частью европейской экономики, политики и общественной жизни, хотя, конечно, ей (как, впрочем, и Великобритании, Франции или Германии) всегда будут присущи свои отличительные черты», – пишет У. Хаттон в предисловии к русскому изданию своей новой книги³. Условно говоря, пусть один автор спорит с другим о российской идентичности и российских перспективах. При всем доброжелательном отношении к России в подобных дискуссиях превалирует, естественно, забота не о ней, а о том лагере, куда ее хотели бы приписать.

Вообще-то международная политика соблазнительнее внутренней, а односторонняя ориентация и того более. Во внешней политике можно правдоподобно переложить вину на иностранные государства. Широко известен применяемый в международной практике прием, когда тот или иной режим сознательно шел на обострение отношений с соседней страной

³ Хаттон У. *Мир, в котором мы живем* / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 2004.

с целью отвлечь внимание от внутренних трудностей и скрыть свою несостоятельность, организовалась «маленькая победоносная война». Во внешней политике больше показных символов успеха, что является большим искушением для руководства страны смещать акценты в ее пользу. Того же свойства и действия по замене внутренних факторов развития внешними: слабое наличие или отсутствие собственного капитала компенсировать иностранным, недостаток товаров на отечественном рынке ликвидировать с помощью импорта, ориентация на сырьевой экспорт, несмотря на его конъюнктурную доходность и низкую интеллектуальную составляющую.

Происходящая глобализация – объективный процесс, и выражается она в уплотнении международных отношений. В каждой стране остается все меньше нетронутых глобализацией сфер, скоро их не останется совсем. Но сопоставительного успеха добивается тот, для кого интенсификация всемирных связей является не целью, а средством, рычагом для обеспечения своих интересов, а не для собственного обескровливания. Степень участия в интернациональной жизни должна сочетаться с прочностью внутренней структуры и ее готовностью к открытости «городу и миру». Всякая чрезмерность карается. Принцип советской внешней политики можно определить как «нам до всего есть дело», он требовал огромных усилий и дополнительно подрывал жизнеспособность системы, которая в конце концов разрушилась. Поэтому, как бы это ни звучало странно в эпоху глобализации, Россия больше выиграет, чем проиграет, если будет придерживаться курса на относительное самоограничение в международных делах и особенно в горячих точках. Заслуживает поддержки точка зрения Н. Шмелева, согласно которой «было бы, вероятно (лучше без «вероятно». – В. Ф.), оправданно, если бы Россия на всю видимую перспективу перешла на позиции здорового, умеренного, конструктивного изоляционизма» и в то же время без возврата к психологии осажденной крепости. В качестве примера он приводит плодотворное время царствования Александра III, которое, как известно, продолжалось

всего 13 лет⁴. Совсем неплохим для России оказалось это «несчастливое» число. Впечатляют наставления царя сыну, сделанные за два дня до смерти, в частности, такие: «В политике внешней – держись независимой позиции. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн»⁵.

Представляется небезынтересной дискуссия, происходящая в другой стране, ФРГ, о ее внешнеполитической концепции. Высказывается, в частности, точка зрения, согласно которой Германии надо сначала поправить внутренние экономические дела и только затем проявить должный энтузиазм за собственными границами⁶. Ее авторы указывают, что в свое время ФРГ приобрела значительный внешнеполитический авторитет именно благодаря своей экономической силе, и вот сейчас эта сила подорвана. Как известно, в последние годы объединенная Германия утратила былую экономическую динамику, что обострило внутренние социальные проблемы – увеличилась безработица, ухудшилось социальное обеспечение и др. Если принять во внимание, что экономический диагноз России гораздо хуже, чем Германии, то рекомендации «сперва заняться собой» для нас еще более актуальны, чем для немцев.

Безопасность России определяется в первую очередь внутренними показателями, а вот их нынешняя слабость, неупорядоченность и даже конфликтность между собой при отсутствии нацеленных на будущее позитивных решений должны вызывать обоснованное беспокойство.

... и без врагов

С распадом Советского Союза у России уменьшилось количество так называемых друзей и вполне реальных врагов среди других стран. В этом смысле можно констатировать

⁴ *Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее*. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 25–26.

⁵ Алферьев Е. Е. *Император Николай II как человек сильной воли*. – 2004. – С. 24.

⁶ *Welt Trends, Zeitschrift für internationale Politik und vergleichende Studien*. Berlin 2004, S. 42, 43; „Die Zeit“, № 32, 2004, S. 7.

нормализацию международных отношений для нашей страны. Однако подобно тому, как «природа не терпит пустоты», международные отношения не терпят упрощения. Причины этого разнообразны. Наряду с факторами длительного плана и калейдоскопичностью текущих событий к ним относятся также внешнеполитические просчеты.

Россия, будучи сама федеративным государством и имея в этой сфере фундаментальные проблемы, не должна вести двусмысленную политику в отношении аналогичной Грузии. С одной стороны, она заверяет в том, что уважает государственное устройство этой маленькой страны, с другой – способствует разрыхлению его, практикуя сепаратные связи с ее составными частями, что, естественно, вызывает протесты со стороны Тбилиси. Вспомним хотя бы облегченный визовый режим для Аджарии при правлении А. Абашидзе. Подобный курс имеет далеко идущие негативные последствия. Не только Грузия, но и другие страны видят в таком поведении проявление некорректности и укрепляются в своем недоверии к миролюбивым призывам из Москвы, которая, когда ей нужно, может игнорировать международное право и сознательно создает в кавказском регионе ситуацию нестабильности⁷. Следует отметить, что в проекте Конституции Европейского союза закреплено такое фундаментальное положение, как уважение территориальной целостности отдельно взятого государства.

Весьма показательны также такие факты. Как известно, в нашей стране происходит демографическая катастрофа, народ вымирает. Одновременно вопреки всякой логике российские власти ставят всевозможные преграды для мигрантов, которые хотели бы стать гражданами России и жить здесь. Их дискриминируют, штрафуют, выдворяют. Вместе с тем эти же власти охотно выдают российские паспорта с выплатой пенсий гражданам Абхазии и Южной Осетии и затем, ссылаясь на подавляющее большинство таких жителей (в Абхазии 84%

⁷ См.: „SWP-Aktuell“, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, September 2004, № 41.

населения имеют российское гражданство, в Южной Осетии – 98%, в т. ч. и Президент республики Эдуард Кокойты), считают возможным вмешиваться во внутренние дела соседнего государства.

Иногда приходится сталкиваться с таким рассуждением. Советский Союз распался, его союзные республики (та же Грузия) стали суверенными государствами, и никто не оспаривает эти факты. То же самое, как считается, де-факто произошло с самой Грузией, и новое положение вещей надо зафиксировать де-юре. Такая точка зрения имеет право на существование, но тогда и нужно действовать соответственно, т. е. признать независимость прежних составных частей Грузии и отказать последней в целостности ее территории. Пока же сохраняется двусмысленность российской позиции в отношении южного соседа.

Известная неопределенность характеризует и позицию самой Грузии. Председатель комитета по международным делам грузинского парламента К. Габашвили заявляет, например, что «Грузия пока что унитарная страна. У которой есть одна действующая автономия – в Абхазии. И одна бездействующая – в Южной Осетии», которая сама ликвидировала свой статус. К тому же в двух последних регионах действуют сепаратистские режимы. Мы не закончили пока формирование нашей территориальной целостности».

Что касается Белоруссии, то отклик России на первоначальное и нереальное предложение А. Лукашенко по объединению двух стран нельзя рассматривать как уступку своему амбициозному коллеге. Сейчас уже подзабылось то, что у обоих президентов существовали свои (конкурирующие) планы в связи с проектом образования нового государства: Лукашенко имел виды на президентство в этом государстве, тогда как Ельцин тем же самым хотел снять ограничение на третий срок своего пребывания у власти. Одновременно этот проект отвечал настроениям части российской элиты ввести братскую страну в управляемое русло и начать восстановление

Советского Союза. К настоящему времени стало очевидно, что предлагаемая конструкция нежизнеспособна. Белорусский профессор О. Буховец, хорошо знающий обе страны, делает следующий вывод, с которым нельзя не согласиться: «Думается, что по совокупности существующих в переживаемую эпоху исторических условий и обстоятельств в данном регионе мира создать реально существующее (а не бумажно-декларативное!) „союзное государство” практически невозможно. В силу принципиальной нестыкуемости исходных позиций субъектов такового»⁸.

Однако отказаться от дефектного замысла у российской стороны не хватает решимости. Продолжается продвижение в тупик, возникают конфликты уже с самой Белоруссией, что не добавляет авторитета российской политике.

В российских научных кругах не прекращается дискуссия по вопросу о том, с кем дружить и против кого. Надо определиться – требуют эксперты и предлагают свои варианты. Одни настаивают на приобщении России к Европейскому союзу вплоть до полного членства в нем. Увеличение числа участников ЕС до 25 и последующие планы расширения подстегивают такие настроения частью из опасения, что России не на кого будет опереться. Другие, напротив, призывают ориентироваться на США. В список рекомендуемых коллективных и индивидуальных кандидатов для предпочтения входят также НАТО, Китай, Индия, разумеется, страны СНГ и само Содружество в целом.

Пока политологи спорят, руководство страны проводит курс на стратегическое партнерство со многими государствами и объединениями государств (Европейский союз). Такое определение не содержит большой специфики двусторонних связей. Россия имеет в мире много стратегических партнеров, и их число увеличивается. Здесь есть и свои вариации. Президент В. Путин называет отношения с Италией (при

⁸ Буховец О. Г. *Союз РБ – РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией* // Доклады Института Европы РАН. – № 128. – М., 2003. – С. 74.

премьер-министре С. Берлускони) привилегированными. Посол РФ на Украине В. Черномырдин определил отношения между Россией и Украиной как суперстратегические. Во время своего первого визита в Москву в январе 2005 г. новый президент Украины В. Ющенко заявил: «Россия – вечный стратегический партнер Украины». Видимо, есть еще и не вечные, временные стратегические партнеры. Бывший глава Киргизии А. Акаев был не менее красноречив: «Россия всегда была, есть и будет нашим главным стратегическим партнером», т. е. стратегические партнеры подразделяются на главных и прочих. Раздаются голоса с предложением установить между Россией и ЕС особые отношения. К этой разноголосице можно добавить вопрос: а кто такие нестратегические партнеры и что с ними делать? Обижать, дискриминировать, относиться безразлично?

Сейчас трудно сделать вывод относительно перспектив, содержащихся во внешнеполитическом мышлении руководства страны. Если «стратегическое партнерство» не является всего лишь словесным приемом, а отражает постепенное осознание целесообразности иметь ровные отношения со всеми государствами, не связывая себя отягощающими обязательствами перед ними, то такой вектор внешней политики можно только приветствовать.

Можно понять ностальгические воспоминания части нашей политической общественности о тех временах, когда «без ведома России ни одна пушка в мире не стреляла», можно разделять ее патриотические чувства, но призывы взяться за старое свидетельствуют о переоценке реальных возможностей современной России. Ее внутренние червоточины и без того слишком велики, чтобы еще взвалить на ослабевшие плечи внешнеполитическое расточительство.

* * *

На этапе основополагающих преобразований в хозяйстве и обществе, когда не решены главные социально-экономические

проблемы страны, приоритетное внимание должно уделяться внутренним задачам. От их состояния зависит удельный вес страны в мире. В конце концов внешняя политика – это не самоцель, а функция по обеспечению и улучшению жизнедеятельности государства. На этом фоне не поддаются рациональному объяснению приведенные выше внешнеполитические факты неэквивалентного обмена и конфликтной активности. Здесь сказывается инерционность мышления советского периода, которое хотя и сдало свои прежние бастионы, но не кануло в Лету полностью. При слабости внутреннего потенциала бесполезно «играть на повышение» на внешнеполитическом фронте, где, как на любом фронте, успех определяется силой. Отрыв от действительности дает странное сочетание реальности и виртуальности, чреватое замедлением поступательного движения. Такое состояние можно было бы назвать застоєм, если бы это слово не носило специфики 70–80-х годов прошлого века. Ненужная пауза может продолжаться сколь угодно долго, до тех пор, пока неблагополучие страны не заставит ответственных российских деятелей отличать мировое ристалище от игр в киберпространстве.